

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2021

Ростов
2022

УДК 94(470.316-21)(082)
ББК 63.3Яр
И90

Сборник материалов научной конференции
«История и культура Ростовской земли», выходит с 1991 года

Научный редактор Я. Е. Смирнов

История и культура Ростовской земли. 2021 /
И90 Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». –
Ростов, 2022. – 404 с. : ил.
ISBN 978-5-6046011-4-3

В сборнике опубликованы материалы XXXI научной конференции «История и культура Ростовской земли», состоявшейся в Государственном музее-заповеднике «Ростовский кремль» 9–11 ноября 2021 г.

УДК 94(470.316-21)(082)
ББК 63.3Яр

ISBN 978-5-6046011-4-3

© Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль», 2022

Содержание

Аверьянов К. А. (<i>Москва</i>). Ростовские князья на Куликовом поле	7
Грязнов А. Л. (<i>Вологда</i>). Канцелярия князя Андрея Васильевича Меньшого.....	13
Орлов К. В. (<i>Санкт-Петербург</i>), Титов Г. А. (<i>Москва</i>). Изображения на ростовских монетах XIV–XV вв. и их прототипы	33
Кривцов Д. Ю. (<i>Нижний Новгород</i>). Угличское предание о митрополите Алексее в контексте легенд о путешествующих святых – основателях монастырей / храмов: историко-типологический аспект.....	53
Казаков А. А. (<i>Москва</i>). Московская митрополия, Ростовская архиепископия и Пошехонье в середине XVI в.: об одном свидетельстве Жития Адриана Пошехонского	66
Гожалимова О. С., Иванов Л. М. (<i>Рыбинск</i>). Рыбная слобода как часть регионального промыслового комплекса XVI–XVII вв.	70
Черкасова М. С. (<i>Вологда</i>). Новые документы митрополита Ростовского и Ярославского Ионы Сысоевича	77
Пушков В. П. (<i>Москва</i>). Калужские вкладные записи на московских изданиях первой половины XVII в. (по собраниям РГАДА).....	112
Сергеев А. В. (<i>Санкт-Петербург</i>). «Русская родословная книга» князя А. Б. Лобанова-Ростовского как продолжение «Российской родословной книги» князя П. В. Долгорукова (на примере Ростовских Рюриковичей)	121
Белова Н. В. (<i>Ярославль</i>). Книги из библиотеки архиепископа Антония (Знаменского) в фонде Ярославской областной универсальной научной библиотеки имени Н. А. Некрасова.....	141
Мельник А. Г. (<i>Ростов</i>). О четырех сооружениях Соборной площади Ростова	151
Киселев Ал-й В. (<i>Ростов</i>). «Ярославские губернские ведомости» как источник по традиционной культуре населения Ярославской губернии XIX – начала XX в. (на материалах Романово-Борисоглебского и Рыбинского уездов).....	167

Колбасова Т. В. (Ростов). Опыт создания новых экспозиций в Ростовском музее древностей в 1920-е гг. (К 100-летию открытия картинной галереи).....	180
Никитина Т. Л. (Ростов). Скульптурная ставроотека из ростовского Авраамиева монастыря	200
Пуцко В. Г. (Калуга). Икона свт. Николы с житием из Ружной церкви в Ростове Великом	209
Брюханова Е. В. (Ростов). Шитая икона с финифтяными вставками из собрания Ростовского музея.....	221
Пак В. Ф. (Ростов). Атрибуция нескольких миниатюр на эмали из собрания ГМЗ «Ростовский кремль» (иконы ростовских крестьян Папутниковых).....	250
Иванов В. В. (Москва). Андрей Дмитриевич Иванов и его семья (Ростов конца XIX – начала XX века)	262
Степанов К. А. (Ростов). Первая мировая война: военнопленные в Ростовском уезде Ярославской губернии	275
Чекмасов Д. Н. (Ярославль – Ростов). От студента-эсера до последнего священника взорванного храма: Николай Николаевич Нагорный по документам личного архива	304
Ланской Г. Н. (Москва). Документы архива Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль»: проблемы систематизации, атрибуции, описания и использования	316
Чекмасов Д. Н. (Ярославль – Ростов). «Недостающие кусочки пазла»: массовые генеалогические источники в фондах ГМЗ «Ростовский кремль» (метрические книги, исповедные росписи, брачные обыски и т. п.).....	322
Садовников В. А. (Ростов). Каталогизация колоколов из собрания Государственного музея-заповедника «Ростовский кремль».....	338
Сапожникова А. Г. (Ростов). Борисоглебцы в тылу и на фронтах Великой Отечественной войны. Материалы к выставке «Герои Великой Победы»	347
Андреева А. Ю. (Переславль-Залесский), Халиков И. А. (Казань). К вопросу о проблемах создания охранных зон объектов культурного наследия	353

Морозов А. Г. (<i>Ростов</i>). К проблеме сохранения архитектурно-градостроительного наследия исторической застройки торговых сел Ростовского уезда	359
Вишневский В. И. (<i>Сергиев Посад</i>). Городище «Городец» у д. Гусарниково на р. Печегде – памятник дьяковской культуры	367
Уткин Д. Е. (<i>Ярославль – Ростов</i>). Археологические разведки на территории Богоявленского островского монастыря в д. Хопылево	376
Леонов Д. Е. (<i>Ростов</i>). Звания «Почетный гражданин города Ростова, Ростовского района», «Почетный гражданин Ростовского муниципального округа», «Почетный гражданин Ростовского муниципального района»: учреждение, практика присвоения (1995–2021 гг.)	383
Список сокращений	402

Первая мировая война: военнопленные в Ростовском уезде Ярославской губернии

К. А. Степанов

История содержания военнопленных и использования их в качестве рабочей силы в годы Первой мировой войны интересна, поэтому не случайно, что она привлекает исследователей¹.

Не обошли своим вниманием исследователи и содержание в Ростовском у. Ярославской губ. взятых на полях сражений и добровольно сдавшихся в плен подданных Австро-Венгрии и Германии. В статье А. В. Киселева и И. А. Киселевой рассмотрены вопросы об организации госпиталя, заболеваемости и летальных исходах среди военнопленных в пункте постоянного их содержания на бывшей мукомольной мельнице купцов Вахромеевых в д. Исады Ростовского у. Ярославской губ.² На основании документов фонда «Ярославская духовная консистория» (ф. 230), находящегося на хранении в Государственном архиве Ярославской области, авторы составили списки 218 солдат из австро-венгерской и германской армий с указанием национальности, воинского звания и даты смерти, умерших там от различных болезней (сыпной тиф, дизентерия, туберкулез, истощение на почве заболевания цингой и др.)³. В исследованиях М. С. Кишенова содержатся сведения об этом же лагере, где

¹ См., напр.: *Васильева С. Н.* Военнопленные Германии, Австро-Венгрии и России в годы Первой мировой войны: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; *Иванов Ю. А.* Военнопленные Первой мировой в Российской провинции // Отечественные архивы. 2000. № 2. С. 100–104; *Солнцева С. А.* Военный плен в годы первой мировой войны (новые факты) // Вопросы истории. 2000. № 4–5. С. 98–105; *Она же.* Военнопленные в России в 1917 г. (март–октябрь) // Вопросы истории. 2002. № 1. С. 143–149; *Ниманов Б. И.* Особенности и основные факторы содержания и хозяйственной деятельности военнопленных 1914–1917 годах в Поволжье: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009; *Базанов С. Н.* Военнопленные-славяне в России в годы Первой мировой войны // Труды Института российской истории / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2013. Вып. 11. С. 171–184; *Тарасов А. В.* Военнопленные Первой мировой войны в Пермской губернии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2014. № 2. С. 42–47; и др.

² См.: *Киселев А. В., Киселева И. А.* Военнопленные Первой мировой войны в Ростовском уезде // Сообщения Ростовского музея (далее – СРМ). Ростов, 2005. Вып. 15. С. 199–217.

³ См.: *Киселев А. В., Киселева И. А.* Военнопленные Первой мировой войны в Ростовском уезде... С. 202–213.

условия содержания, особенно для больных пленных, были весьма тяжелыми — не хватало лекарств, перевязочного материала, квалифицированных врачебных кадров⁴. Все это сказывалось на высокой смертности, и не только от заболеваний, но и от истощения недавно прибывших в лагерь с фронта⁵. Говоря о взаимоотношениях военнопленных с местным населением и властями в Ярославской губ., исследователь отметил, что они были «достаточно мирными, без серьезных волнений и конфликтов»⁶. На основании архивных документов автор осветил дружеские взаимоотношения проживавших в Ростове поляков-беженцев и поляков солдат австро-венгерской армии из числа военнопленных. Например, некоторые из них под надзором австрийского офицера Л. Бордона могли навещать беженцев — Эмилию Рябовик, ее дочерей Софию и Станиславу, которые устраивали для военнопленных поляков и находившихся в городе солдат русской армии вечера с игрой на мандолине и танцами⁷. В статье М. С. Кищенкова и Д. В. Тумакова отмечено, что поведение военнопленных в Ярославской губ. было весьма вольным и мало контролируемым: офицеры с их денщиками имели право на длительные прогулки, питались на «уровне офицерского состава русской армии»⁸. Из докторской диссертации Н. В. Суржиковой можно узнать о нахождении на 1 января 1916 г. в г. Ростове 19-ти офицеров и 3-х нижних воинских чинов (денщиков, см. ниже), в уезде тогда места постоянного проживания для военнопленных не было⁹. Однако тема нуждается в дальнейшем изучении, и настоящее исследование призвано несколько восполнить имеющийся пробел.

Целью исследования является освещение приема, размещения, окарауливания, оказания медицинской помощи, привлечения на работы находившихся в Ростовском у. военнопленных в годы Первой мировой войны.

---

⁴ См.: *Кищенко М. С.* Положение военнопленных и интервьюированных в Ярославской губернии в годы первой мировой войны // Ярославль — центр княжества, губернии, области. Актуальные проблемы государственного и муниципального управления: международ. университетская научно-практ. конф., посвящ. 1000-летию Ярославля и в связи с 25-летием Европейской хартии о местном самоуправлении (1985 г.), 20–21 апреля 2010 г.: материалы конф. Ярославль, 2010. С. 73.

⁵ *Кищенко М. С.* Европейские диаспоры в Ярославской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2011. С. 225.

⁶ См.: *Кищенко М. С.* Положение военнопленных и интервьюированных... С. 73.

⁷ См.: *Кищенко М. С.* Европейские диаспоры в Ярославской губернии в конце XIX — начале XX века. Ярославль, 2011. С. 214, 215; *Он же.* Европейские диаспоры в Ярославской губернии. С. 221.

⁸ См.: *Кищенко М. С., Тумаков Д. В.* Положение иностранных военнопленных в Ярославском крае в годы Первой и Второй мировых войн: сравнительный анализ // Трефолевские чтения: Ярославский край в Первой мировой войне. Всероссийская научно-практическая конференция 25–27 сентября 2014 г. Ярославль, 2015. С. 158.

⁹ *Суржикова Н. В.* Военный плен в российской провинции (1914–1922 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Екатеринбург, 2015. С. 552.

Содержание военнопленных

В документах ростовского уездного исправника не удалось найти точных сведений о месте нахождения в Ростовском у. пункта постоянного содержания военнопленных в первое время после начала войны. По-видимому, в это время они направлялись сюда на работы из других уездов Ярославской губ. и России. Пребывание в регионе и участие в работах пленных находилось в поле зрения журналистов, а также представителей нейтральных государств (см. ниже). Нахождение их в стране и встречи с военнопленными контролировали чины полиции. Так, после выдачи министром внутренних дел журналисту Соломону Львовичу Бурсину разрешения для осмотра мест работ германских, австро-венгерских и турецких военнопленных, ярославский губернатор 10 июня 1915 г. предложил ростовскому уездному исправнику Александру Николаевичу Степанову «оказать названному лицу... всевозможное содействие, но установить за его сношениями с военнопленными тщательное наблюдение»¹⁰.

В большом количестве и организованном порядке военнопленные стали прибывать в Ростовский у. в начале 1916 г., а размещали их в помещениях бывшей Вахромеевской мельницы в д. Исады, рядом с железнодорожной ст. Семибратово Северных железных дорог. Чтобы разделить их и использовать в своих целях, военнопленных размещали по национальному признаку, при этом лиц славянской национальности старались содержать в более лучших условиях, чем немцев, австрийцев, мадьяр¹¹. Этому способствовали и рекомендации Устава Всероссийского попечительства о плененных славянах, утвержденного 30 октября 1914 г. министром внутренних дел Н. А. Маклаковым¹². Руководствуясь циркуляром министра внутренних дел от 23 октября 1915 г., ярославский губернатор 4 декабря 1915 г. также указал ростовскому уездному исправнику П. А. Цыбакину на обособленное размещение военнопленных славян от венгров и немцев¹³.

Окарауливание военнопленных осуществлялось солдатами из квартировавших в Ростовском у. запасных воинских частей. При отправке на работы в другие регионы окарауливать могли военнослужащие таких же частей, но из других уездов и губернии. Например, 31 января 1916 г. в помещении Ростовской Мариинской женской гимназии располагались 3-я и 4-я роты 255 пехотного запасного батальона¹⁴. В скором времени они должны были отправиться к новому месту несения воинской службу в г. Одессу. Однако выехать туда не получилось и батальон на 4 февраля 1916 г. дислоцировался в д. Исады Приимковской вол. (близ

¹⁰ РФ ГАЯО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 493. Л. 97.

¹¹ Мадыры – устаревшее наименование венгров.

¹² См.: Устав Всероссийского попечительства о плененных славянах. Пг., 1914.

¹³ РФ ГАЯО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 493. Л. 206, 206 об.; Д. 494. Л. 163.

¹⁴ РФ ГАЯО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 722. Л. 34, 34 об., 50 об., 134, 135, 135 об.

бывшей мельницы Вахромеева), осуществляя охрану находившихся там военнопленных¹⁵.

Пленных офицеров и денщиков при них поселили в Ростове в приспособленном помещении частного дома. В отправленных ростовским уездным воинским начальником полковником Леонидом Матвеевичем фон Кохом в Ростовскую городскую управу отношениях от 25 апреля и 4 мая 1916 г. содержатся сведения о 16 военнопленных офицерах и 5 нижних воинских чинах при них (денщиках), находившихся в доме Андреева¹⁶. Поскольку дом был недостаточно хорошо приспособлен для содержания в нем пленных – 2 офицера убежали – он предложил предоставить другое помещение¹⁷. Поиски подходящего здания не дали нужного результата, несмотря на то, что городскому самоуправлению на это указывал и ярославский губернатор С. Д. Евреинов. Председатель городской управы 31 мая 1916 г. уведомил его, что свободных помещений в Ростове нет, кроме «единственно» в бывшем 2-этажном доме Леонтьева в Кремле¹⁸. Офицеров предлагалось разместить на 2-м этаже, площадь помещений 16,66 кв. м (без учета коридоров и «передней»), высота потолка 1,13 саж., а для конвоя – 1-й этаж – 9,46 кв. м, высота потолка 1,11 саж.¹⁹

На заседании комиссии при Ярославской губернской земской управе 22 июня 1916 г. в составе председателя губернской управы Д. Е. Тимрота, санитарных врачей губернского земства Н. Н. Курочкина и В. И. Ивановского, помощника губернского врачебного инспектора Окушко, представителя губернской гражданской администрации ярославского полицмейстера Доливо-Добровольского, «заступавшего» должность председателя Ростовской уездной земской управы Н. И. Шульгена, представителя Ростовского городского самоуправления Д. С. Завьялова, представителя управления местной бригады капитана Поплавского, военного врача, заведующего лечебной частью на Исадской мельнице Д. Б. Штерна рассматривался вопрос о военнопленных, поселенных на мельнице Вахромеева в д. Исады Ростовского у.²⁰ Было отмечено, что в 5-этажном здании бывшей Исадской мельницы «помещено» 2182 военнопленных, прибывших с интервалом через день 4-мя эшелонами²¹. Они нуждались в одежде, стрижке, помывке в бане: многие из прибывших не мылись по 8 месяцев, а одежда на них превратилась в лохмотья. С каждой партией прибывало около 500 человек и все нуждались в помывке, но сделать это

---

¹⁵ РФ ГАЯО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 722. Л. 34, 34 об., 50 об., 134, 135, 135 об.

¹⁶ РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1084. Л. 45, 47, 48.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Территория в г. Ростове Ярославской губ. внутри земляной крепости.

¹⁹ РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1084. Л. 49, 49 об.

²⁰ Там же. Д. 1084. Л. 50.

²¹ Там же.

было затруднительно — помещение бани вмещало только 12 человек²². Баня располагалась на берегу р. Устье и стояла по течению выше главного корпуса, стоки с нее шли в реку. Поскольку водозабор, где брали воду для питья, приготовления пищи и других надобностей, находился ниже по течению, то не исключалась возможность попадания воды из бани в «водоприемник».

У некоторых военнопленных имелись деньги, но, как правило, у больных их не было, также как и лишней пары белья. В пункте постоянного содержания (лагере) на бывшей Исадской мельнице они получали его из казенных запасов. Из-за чрезвычайного истощения в пути умерло несколько человек, 600 человек болели и без посторонней помощи передвигаться не могли. Среди них встречались и очень тяжелые больные — цингой, нефритом, желудочными заболеваниями. Один пленный болел возвратным тифом, а через 9 дней им заболели еще двое²³. На время заседания комиссии среди военнопленных было уже 7 случаев этой болезни и еще у 5 имелись признаки возвратного тифа²⁴.

Тяжелобольных в количестве 63 человек разместили в отдельном каменном доме, который служил изоляционным баракком. Помещение было приспособленным, больные лежали на двойных общих нарах и соломенных матах. Барак разбили на 3 отделения. В одном отделении находились «дизентерики» и «нефритики», в другом — подозрительные на возвратный тиф, в третьем — больные возвратным тифом. Ватерклозетов не имелось, и для больных приспособили специальные ведра с деревянными сиденьями. Пятиэтажное помещение бывшей мельницы было переполнено блохами. Для обработки его паром железнодорожное ведомство выделило паровоз. После этого в нем сожгли до 30 пудов серы и все вымыли нафтализолом, что способствовало избавлению от паразитов²⁵.

В главном корпусе на разных этажах также были оборудованы помещения для размещения больных. Их белье подвергалось дезинфекции путем вываривания в котлах, а одежда «окуривалась» серой в земляных камерах. Врачам на свой страх и риск приходилось покупать медикаменты в Ярославле у частных лиц, поскольку в аптечке имелся только небольшой запас медикаментов, высланных из Московского аптечного пункта. Медицинский персонал состоял из 2 врачей и 3 фельдшеров, в распоряжении которых имелось всего 2 градусника²⁶. Медицинского персонала было недостаточно, поэтому предполагалось командировать на бывшую Исадскую мельницу еще 2 врачей и 7 фельдшеров, а в одном из зданий оборудовать лазарет²⁷.

²² Там же.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 50 об.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. Л. 51.

Несмотря на многие трудности, лазарет в пункте постоянного содержания военнопленных открыть удалось. Насколько он был необходим для оказания помощи находившимся там больным людям, можно узнать на основании следующих данных. Так, во время открытия лазарета в 1916 г. в пункте умерли 193 военнопленных, а в 1917–1918 гг. — 25 человек²⁸.

Пленные офицеры австро-венгерской армии получали денежное довольствие. Так, за декабрь 1916 г. офицеры Эмиль Мольдаван и Корнель Божинка получили от «местного» интенданта Московского военного округа через Управление ростовского уездного воинского начальника 100 руб.²⁹ Для проживания в домах на «частных» квартирах им выдавались «квартирные» деньги. В приказе полковника фон Коха от 9 января 1917 г. содержатся сведения о перечислении пошехонским воинским начальником «квартирных денег» за сентябрь–октябрь 1916 г. военнопленным офицерам Казимиру Хмелевскому, Мартину Сеньюку и Иоанну Дречину в сумме 10 руб. 60 коп.³⁰

Как и другие солдаты армий противника, военнопленные врачи также имели право на получение денежных переводов с родины. Например, 4 ноября 1917 г. на имя военнопленных докторов Чайковского и Пиотровского поступили деньги в сумме 100 руб. и 10 руб. соответственно³¹. Нижние воинские чины получали денежные переводы от родных только с разрешения Управления ростовского уездного воинского начальника. В архивном фонде этого начальника отложилось на хранение достаточно большое количество документов, в которых содержатся такие сведения. Так, в «сношениях» полковника фон Коха с Ростовской почтово-телеграфной конторой от 7 и 9 января 1917 г. имеются данные о поступлении на имя Дресселя Рудольфа 160 руб., Лауера Николауса — 160 руб., Ильчишека Ивана — 12 руб. 75 коп., Борхардта Густава — 5 руб. 79 коп., Мерхеля Франца — 5 руб. 25 коп.³²

Распределение военнопленных нижних воинских чинов в пункте постоянного пребывания при ст. Семибратово осуществлялось и по «военному» принципу. К 17 января 1917 г. там было не менее 4-х рот, 4-й заведовал зауряд-военный чиновник Лисуков, другими — прапорщики Кубышкин, Откидач и зауряд-военный чиновник Сергей Семенович Кузнецов, на 16 июля 1917 г. пленные были распределены не менее чем по 6-ти ротам³³.

Как отмечалось, многие пленные прибыли в Ростовский у. больными. Скопление в приспособленном помещении большого количества

---

²⁸ *Киселев А. В., Киселева И. А.* Военнопленные Первой мировой войны в Ростовском уезде... С. 200.

²⁹ РФ ГАЯО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1а. Л. 15 об.

³⁰ Там же. Л. 11.

³¹ Там же. Л. 456.

³² Там же. Л. 10 об.

³³ Там же. Л. 18, 39 об., 221 об., 292.

людей также способствовало распространению заболеваний. Несмотря на предпринимаемые меры, открытие лазарета, оказание нуждающимся врачебной и фельдшерской помощи, болезни заканчивались и летальным исходом. Из приказа по Управлению ростовского уездного воинского начальника от 30 января 1917 г. можно узнать о выдаче капитаном Никифоровым священнику церкви с. Гвоздево Приемковской вол. о. Николаю Соловьеву 4 руб. за погребение умерших военнопленных нижних воинских чинов, о расходах по управлению в сумме 740 руб. 46 коп. на погребение 82 пленных, считая по 9 руб. 3 коп. на каждого человека, а также 159 руб. 90 коп. на «постановку надмогильных» крестов по 1 руб. 95 коп. за каждый³⁴. Умерших хоронили рядом с сельском погостом, в 220 м от церкви в с. Гвоздево, где под некрополь отвели специальное место, а на могилах, как и полагалось христианам, устанавливались кресты³⁵.

После Февральской революции отношение к военнопленным несколько изменилось. Одной из мер в сторону «ослабления» стало принятие военным министром А. Ф. Керенским «разрешения», позволяющего военнопленным вступать в брак с русскими «гражданками», о чем окружной генерал-квартирмейстер Московского военного округа 9 июня 1917 г. довел до губернских комиссаров³⁶. Этим правом могли пользоваться не все, а только освобожденные «на поруки» за хорошее поведение (в основном лица славянской национальности) под ответственность юридических, частных лиц, и включенные в «разряд» обязанных к труду.

Представители иностранных государств интересовались содержанием военнопленных в Ростовском у. и в 1917 г. 13 июня этого года отдел по организации посевной площади Министерства земледелия и продовольствия уведомил губернского комиссара, что по соглашению с Министерством внутренних дел «делегату шведской миссии профессору Перси Квенселю разрешено посетить места водворения германских военнопленных в пределах Петроградского и Московского военных округов»³⁷. В ответ на сообщение ярославского губернского комиссара от 16 августа 1917 г., председатель Ярославского губернского продовольственного комитета (далее – губпродком) 19 августа уведомил членов Ростовской уездной продовольственной управы (далее – упродуправа) о разрешении «шведским делегатам графу Гамильтону и полковнику Гринбергу.. посетить германских военнопленных, водворенных в Ярославской губ., а также находящихся на работах в продовольственных организациях»³⁸. Контроль за содержанием и обращением с военно-

³⁴ Там же. Л. 36.

³⁵ Киселев А. В., Киселева И. А. Военнопленные Первой мировой войны в Ростовском уезде... С. 199.

³⁶ РФ ГАЯО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 15. Л. 30, 30 об., 59.

³⁷ Там же. Л. 34.

³⁸ РФ ГАЯО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 34. Л. 220–251, 252.

пленными в пределах Ярославской губ. осуществляли и представители Дании. Главное управление по делам милиции по обеспечению личной и общественной безопасности граждан Министерства иностранных дел Временного правительства 21 июня 1917 г. отношением за № 18939/Д довело до сведения ярославского губернского комиссара, что при содействии датского правительства оказание помощи военнопленным австро-венгерской армии в пределах Ярославской губ. возложено на его делегата — Крамера³⁹.

В лагерях для военнопленных русских солдат в противоборствующих государствах Тройственного союза одежду клеймили. Во время переговоров с дипломатами Германии и Австро-Венгрии договориться об отмене нашивок «полос» на одежде военнопленных и клеймении ее «масляной краской» не удалось. Поэтому Центральный комитет по делам военнопленных при Главном управлении Российского общества Красного Креста постановил ввести клеймение одежды военнопленных и в России посредством «нарисования» масляной краской на левом рукаве одежды букв «В» и «П»⁴⁰. В случае побега у пленных солдат было меньше шансов остаться незамеченными, а местному населению легче узнавать беглецов.

Для выполнения сельскохозяйственных работ и в дорожном строительстве требовались рабочие руки, но их не хватало. Поэтому члены Ростовского уездного продовольственного комитета (далее — упродком) и Ростовской земской управы решили использовать военнопленных. Чтобы они находились рядом с местом работы, необходимо было подыскать в Ростове подходящее помещение. Поскольку вопросы привлечения пленных солдат находились в ведении упродкома, то 22 июня 1917 г. его председатель предложил членам Ростовской городской управы «дать подходящее помещение в гор. Ростове для пленных и, по-возможности, в непродолжительное время»⁴¹. Поиски в уездном городе таких помещений нужного результата не дали. 26 июня 1917 г. председатель городской управы уведомил коллегу в горпродкоме об отсутствии в Ростове свободных помещений для размещения пленных⁴². Поэтому осенью 1917 г. привлекаемых уездным земским самоуправлением к работе в городе и Ростовском у. военнопленных разместили в холодное время года в не отапливаемом сарае, «совершенно непригодном для более или менее продолжительного жилья»⁴³.

После окончания работ их необходимо было под караулом отправлять к месту постоянного проживания. Но это не всегда соблюдалось. Ростовский уездный комиссар 13 августа 1917 г. предложил председателю упродуправы представить данные о «заведующих военнопленными»

³⁹ РФ ГАЯО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 15. Л. 37.

⁴⁰ Там же. Л. 41.

⁴¹ РФ ГАЯО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 34. Л. 53.

⁴² Там же. Л. 74.

⁴³ Там же. Л. 411.

в Ростовском у. В ответном письме от 17 августа 1917 г. сообщалось, что привлекаемые к работам пленные находились в «ведении членов» управы. Однако из-за отсутствия в городе помещения для их временного проживания «заведовал» ими агрономический отдел Ростовской земской управы⁴⁴. Аналогичный запрос поступил и в земскую управу. Ее председатель 24 августа 1917 г. сообщил, что надзор за находящимися на работах неприятельскими подданными возложен на «держателей» (работодателей), а в нерабочее время – на «особое» лицо⁴⁵.

Для охраны военнопленных использовались солдаты запасных частей Русской императорской армии, которые побывали в плену. С одной стороны они на себе познали все «прелести» плена, а с другой немного познакомились с культурой, обычаями жителей стран противника и немного владели их языком. В циркуляре товарища министра продовольствия Временного правительства Владимира Николаевича Зельгейма и управляющего отделом по организации посевной площади Маньковского от 11 августа 1917 г. предлагалось привлекать для охраны военнопленных бежавших из неприятельского плена солдат Русской армии, а также инвалидов из нижних воинских чинов и офицеров⁴⁶. На основании этого документа приказом полковника фон Коха от 26 сентября 1917 г. заведующим за находившимися в распоряжении Ростовской уездной земской управы военнопленными был назначен бежавший из плена рядовой 32 пехотного Запасного полка Александр Колпаков⁴⁷.

С наступлением холодов к вопросу о подыскании военнопленным подходящего жилья в Ростове ввернулись вновь. На этот раз он разрешился положительно. Из письма командира 206 пехотного Запасного полка на имя уездного комиссара от 27 сентября 1917 г. можно узнать о выделении для размещения военнопленных «задней» половины нового, построенного 12 июня 1914 г. в Городском саду, электротeatра «Варьете» (ил. 1, 2), принадлежащего крестьянину Ломинцевской вол. Крапивенского у. Тульской губ. Григорию Ивановичу Самсонову⁴⁸. Такой выбор был сделан не случайно, театр располагался рядом с городским острогом (тюрьмой) и Ростовским уездным полицейским управлением. Тюрьма находилась несколько восточнее «Варьете» и с северной стороны от городской церкви архидьякона Стефана, а полицейское управление – с северо-восточной стороны, напротив Крестовоздвиженской церкви⁴⁹.

⁴⁴ Там же. Л. 235.

⁴⁵ Там же. Л. 366 об.

⁴⁶ Там же. Л. 369.

⁴⁷ РФ ГАЯО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1а. Л. 396.

⁴⁸ РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1081. Л. 15–16, 18а, 20, 23, 24, 24 об.; Ф. 211. Оп. 1. Д. 15. Л. 122.

⁴⁹ РФ ГАЯО. Ф. 99. Оп. 1. Д. 69. Л. 170 об.

Использование военнопленных на работах, окаруливание, обеспечение продуктами, оплата труда

Несмотря на недостаток рабочей силы, привлечение военнопленных к работам могло происходить при соблюдении ряда мер. Солдаты противника, которые зачастую только силой оружия были взяты в плен на поле брани, требовали к себе соответствующего отношения. Они выросли в другой стране, в другой культуре, в других условиях, и то, что было, например, приемлемо и нормой для простого русского человека, могло вызывать недовольство или вражду. Поэтому за любой халатностью, упущением в обращении с военнопленными могла стоять чья-то жизнь. Руководствуясь указаниями Главного управления Генерального штаба (далее – ГУГШ), ярославский губернатор Д. Н. Татищев 15 апреля 1915 г. уведомил земские и городские управы, что откомандированные на работы военнопленные в случаях отказа от работ и подстрекательстве к этому других подлежали обратной передаче в Военное ведомство, но «без замены их другими военнопленными»⁵⁰. Впоследствии обращение с саботировавшими работы было ужесточено. Так, в ответ на приказ по войскам Московского военного округа от 28 июня 1915 г. Д. Н. Татищев 17 июля 1915 г. указал городскому и земскому самоуправлениям собирать отказавшихся от работ в «особые» группы и содержать в тюрьме на строгом режиме, т. к. их отказ нарушал «правильность течения производимых пленными работ»⁵¹.

Из-за отсутствия рабочих рук и большого объема работ по уборке Ростова, было решено прибегнуть к использованию труда военнопленных. 21 мая 1915 г. председатель городской управы тоже обратился к губернатору с просьбой ходатайства перед министерством о разрешении использовать с 1 июня по 1 октября 1915 г. на земляных работах 50 человек⁵². Военнопленные должны были прочистить «канаву» вокруг земляных валов, называемую ростовцами «Пига», а на городских улицах очистить мостовые от грязи и произвести другие земляные работы. Поскольку на питание каждому из них полагалось по 25 коп. в сутки, то на все время работ было необходимо 1500 руб., стоимость одежды и белья, из расчета до 25 руб. на человека, составляла 1250 руб., размещать их предполагалось «казарменным порядком» в Кремле Ростова в приспособленном за 100 руб. городском доме (бывшем Леонтьева), находившемся вблизи полицейской части⁵³.

Такой расчет показался губернатору недостаточно убедительным, поэтому 3 июня 1915 г. он затребовал по Ярославскому губернскому земскому и городскому делам присутствию расчет на кормовое, вещевое и квартирное довольствие нижних воинских чинов Русской армии, со-

---

⁵⁰ РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1084. Л. 11.

⁵¹ Там же. Л. 20.

⁵² Там же. Л. 12, 12 об.

⁵³ Там же.

гласно имевшимся нормам. По вновь поданным сведениям на содержание 50 военнопленных нужно было 2954 руб. 89 коп., в т. ч. для покупки 342 пуда 13 фунтов муки по имевшимся ценам 1 руб. 90 коп. за пуд было нужно 655 руб., приварочных — 636 руб., круп 50 пудов по 3 руб. 20 коп. — 160 руб., сахара 9 пудов 15 фунтов по 7 руб. 90 к. — 74 руб. 10 коп., чая 3 фунта по 1 руб. 60 коп. — 4 руб. 80 коп., на квартирное довольствие требовалось 141 руб. 66 1/3 коп., на отопление и освещение — 33 руб. 33 1/3 коп., на одежду — 1250 руб.⁵⁴

Согласно высочайше утвержденным 31 мая и 29 июня 1915 г. журналам Военного совета, нижние воинские чины из числа военнопленных должны были получать довольствие по следующим нормам: провиантского довольствия — хлеба 2 фунта и крупы 24 зол., прочего «варочного» довольствия — 0,25 фунта мяса-баранины, свинины или рыбы, при условии 2 раза в неделю постной пищи, и 2,5 коп. — на все «приварочные припасы» (соль 11 зол., свежие овощи 60 зол., а сушеные 4 зол., масло и сало 5 зол., «подболотная» мука 4 зол., перец 1/6 зол., чай 0,5 зол., сахар 3 зол.)⁵⁵. На хозяйственные нужды полагалось тратить из расчета по 15 коп. в месяц на человека.

Ходатайства председателя городской думы о выделении пленных солдат на работы осуществлялись через губернатора. Когда же его участие стало необязательным, городское самоуправление все равно продолжало добиваться «рабочей силы» через него. Поскольку во время войны труд военнопленных стал использоваться чаще, то и порядок привлечения их на работы упрощался. Так, 24 июня 1915 г. губернатор уведомил земские и городские самоуправления о поступившем «разрешении» Совета министров. Согласно документу, заявления об отпуске военнопленных на работу можно было отправлять непосредственно в штаб военного округа, минуя губернатора, фабричного инспектора, окружного инженера и соответствующих им должностных лиц, не спрашивая разрешения ГУГШ⁵⁶. Однако при каждом заявлении на военнопленных необходимо обязательно извещать губернатора⁵⁷.

В документах Ростовского уездного полицейского управления сохранились сведения о количестве конвоиров, назначенных для окарауливания военнопленных во время выполнения работ в селениях уезда. Так, в приказе ростовского уездного исправника А. Н. Степанова от 30 июня 1915 г. имеются данные о командировании 3 стражников для конвоирования и «наблюдения» за 40 пленными австрийцами на работах в с. Воржа и с. Поречье⁵⁸. Из приказа другого исправника П. А. Цыбакина от 3 октября 1915 г. можно узнать, что с 24 июня по 2 октября 1915 г. 2 младших

⁵⁴ Там же. Л. 17.

⁵⁵ Там же. Л. 25, 75.

⁵⁶ Там же. Л. 22.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ РФ ГАЯО. Ф. 34. Оп. 1. Д. 792. Л. 6 об.

стражника при полном боевом вооружении были командированы для «наблюдения» за военнопленными австрийцами, высланными на земляные работы в д. Чурилово Щадневской вол. ⁵⁹ Поскольку военнопленные трудились в с. Воржа долго, то и стражники охраняли их продолжительное время. В приказе Цыбакина от 2 ноября 1915 г. отмечалось, что командированные в с. Воржа стражники для охраны пленных находились там до 29 октября 1915 г. ⁶⁰

В случае побега военнопленных против них могли применить оружие. Порядок его использования регламентировался утвержденной 23 июля 1915 г. товарищем министра внутренних дел Владимиром Федоровичем Джуновским инструкцией «Об употреблении оружия десятниками и сторожами, коим поручен надзор за военнопленными, отпущенными на работы» ⁶¹. Ею предусматривалось применение оружия в случае вооруженного нападения на окарауливавших, а также при побеге нескольких лиц и в отдельности: в последнем случае, если, невзирая на предостережение или оклик, военнопленный продолжал бежать.

По соглашению между правительствами России, Германии и Австро-Венгрии всем военнопленным нижним воинским чинам предоставлялся выходной день в неделю. Для исполнения распоряжений из ГУГШ и Московского военного округа, ярославский губернатор 27 февраля 1916 г. уведомил земские и городские управы, городских голов и старост об обязательном предоставлении военнопленным воскресного отдыха, за исключением занятых в непрерывных производствах из германской армии — в один из дней недели, как это «установлено в Германии по отношению к находившимся у них в плену нашим военнопленным» ⁶². Впрочем, в связи с нехваткой рабочих рук во время сельскохозяйственных работ, их могли привлекать к работам без выходного дня. Так, 16 июля 1916 г. губернатор С. Д. Евреинов распорядился использовать труд военнопленных и в воскресные дни во время «страдной поры» на работах по погрузке топлива без замены в один из «ближайших» дней недели ⁶³.

Выплаты денег окарауливавшим военнопленных частично лежали и на тех, кого они «стерегли». Сведения об этом содержатся в постановлении ГУГШ от 30 апреля 1916 г. Согласно документу, из зарплаты пленных вычиталось до 50% для передачи упродуправе на покрытие расходов по их содержанию и окарауливанию, из расчета по 10 руб. в месяц на каждого человека, при «непокрытии» расходов недостающую сумму выплачивала государственная казна ⁶⁴.

---

⁵⁹ Там же. Л. 5, 24.

⁶⁰ Там же. Л. 30.

⁶¹ РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1084. Л. 32.

⁶² Там же. Л. 40.

⁶³ Там же. Л. 58, 58 об.

⁶⁴ РФ ГАЯО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 34. Л. 228, 228 об., 362, 362 об.

Для регламентирования использования труда и отношений между «нанимателями» и военнопленными в Ростовском у. нужен был специальный документ. Собравшихся 31 марта 1916 г. на заседание при городской управе под председательством члена земской управы Д. И. Афанасьева, секретаря уездного агронома В. М. Михневича и более 40 «нанимателей» ознакомили со «Специальными правилами» об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы и оплате их труда с 1 апреля по 1 октября 1916 г. При разработке учитывались правила «Об отпуске военнопленных на сельскохозяйственные работы», высланные 10 февраля 1915 г. из отдела сельской экономии Главного управления землеустройства и земледелия в Ростовскую земскую управу⁶⁵. В подготовленном проекте правил в обязанности «нанимателей» входили отчисления в Ростовскую уездную земскую управу 61 руб. 50 коп. за каждого отпущенного на 6-месячный срок военнопленного в 3 срока — 1 апреля 1916 г. — 21 руб. 50 коп., 1 мая и 1 июня — по 20 руб., а также не позднее 20 числа каждого из указанных месяцев пленному работнику — по 3 руб. (при обязательной записи в выданную земской управой «рабочую книжку», без нее выдача денег не учитывалась)⁶⁶. Деньги в сумме 61 руб. 50 коп. предназначались на покупку военнопленным одежды и канцелярских принадлежностей из расчета 15 руб. на пальто и пиджак, 7 руб. — пару шаровар, 20 руб. — сапоги и их ремонт, 12 руб. — 3 смены белья, 2 руб. — фуражку, 2 руб. — 2 пары портянок, 2 руб. — 2 полотенца, 50 коп. — 2 носовых платка и 1 руб. — канцелярские расходы⁶⁷.

Продовольственное обеспечение также должно было осуществляться за счет «нанимателей». На завтрак военнопленным предусматривалось одно горячее блюдо (похлебка без мяса и рыбы), чай или «цикорный» кофе. При довольствии чаем или кофе пленному полагалось 0,5 фунта чая или фунт «цикорного» кофе и сахара. Обед состоял из двух блюд — горячего первого блюда (суп, похлебка, щи и т. п.) и второго — каши или картофеля с салом или растительным маслом. На ужин — те же продукты, что выдавались на обед. В течение недели мясо в обед и в ужин полагалось по 1 фунту на человека. В документах городского самоуправления значится, что на 11 мая 1916 г. мясо 1-го сорта стоило в Ростовском у. 42 коп. за фунт, 2-го — 38 коп. и 3-го — 35 коп. за фунт⁶⁸. Из этих данных можно узнать затраты на выдачу мяса пленным. При необходимости его могли заменять рыбой или молочными продуктами, весом также по 1 фунту⁶⁹. Черного хлеба полагалось 3 фунта в день, а довольствие чаем, кофе и сахаром могло быть только при наличии «горячего завтрака», но не обяза-

⁶⁵ См.: РФ ГАЯО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1009. Л. 9, 10–11.

⁶⁶ РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1084. Л. 43, 44.

⁶⁷ Там же. Л. 43 об.

⁶⁸ РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1513. Л. 36.

⁶⁹ РФ ГАЯО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 15. Л. 1 об.; Ф. 238. Оп. 1. Д. 31. Л. 1 об.; Ф. 365. Оп. 1. Д. 34. Л. 105.

тельно. Растительного масла ежедневно предполагалось давать по 6 зол., а картофеля — по 2,5 фунта, мясо или рыбу в обед и ужин могли выдавать по 0,5 фунту в день, но не более 3-х дней в неделю⁷⁰. В правилах оговаривалось, чтобы военнопленные питались не лучше русских рабочих и не оканчивали раньше их работу.

Документом регламентировалось и время работы в течение календарного года. Каждый военнопленный был обязан в теплое время года до 15 августа 1916 г. трудиться по 13 часов в сутки, а после этого — по 12, но не менее чем с 3-часовым перерывом для завтрака, обеда и дневного отдыха⁷¹. При «дурном» поведении виновные подлежали строгому аресту «на хлеб и воду» для отбывания наказаний в ближайшем специальном помещении при волостном продовольственном комитете (далее — волпродком). После уведомления председателя упродуправы о выявленных на работах больных, их нужно было немедленно доставлять в лечебный пункт или земскую больницу. Военнопленным разрешалось беспрепятственно ходить на богослужения. «Отлучки» допускались только в случае крайней необходимости и только с 8 часов утра до 18 часов вечера, а с 1 мая по 1 сентября — с 8 часов утра до 21 часа вечера⁷². Работодатель был обязан через волостную продовольственную управу (далее — волпродуправа) незамедлительно извещать членов упродуправы обо всех случаях внезапного выбытия пленных в неизвестном направлении.

На сельскохозяйственных работах военнопленные трудились в частных хозяйствах крестьян и в усадьбах помещиков. Для этого главам хозяйств необходимо было обращаться в земскую управу. На основании поступивших заявок составлялись списки глав хозяйств и потребность в рабочих по волостям уезда. В фонде Ростовского уездного продовольственного комитета за 1917 г. содержится достаточное количество таких документов. Так, в списке по Шулецкой вол. значились 3 домохозяина, Щениковской — 12, Дубровской — 7, в трех списках по Нажеровской — 30, 10 и 12 соответственно, Угодичской — 70, Сулостской — 62, Карашской — 4, Березниковской — 2, для г. Петровск — 3, два списка по Савинской — 19 и 12, два списка по Воржской — 64 и 32, Щадневской — 37, Новоселко-Пеньковской — 1, Приимковской — 36, Гарской вол. — 2 домохозяина, которым требовалось для полевых работ по 1 человеку, а И. Чистякову из д. Рышнево, А. Дятловой и А. Муралаковой из с. Каликино Нажеровской вол., Л. Кокиной из Сулостской вол., священнику о. Александру из церкви с. Онуфриевское Березниковской вол., А. Федотову из д. Солонино, А. Кубавиной из с. Татищев-Погост Савинской вол., С. Карасеву из д. Новоселка и Е. Паздерину из д. Козохово Воржской вол. нужно было

---

⁷⁰ РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1084. Л. 43 об.

⁷¹ Там же. Л. 43 об., 44.

⁷² РФ ГАЯО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 15. Л. 2; Ф. 238. Оп. 1. Д. 31. Л. 2; Ф. 365. Оп. 1. Д. 34. Л. 105 об.

по 2 военнопленных⁷³. В списке домохозяев по с. Поречье Поречской вол. от 16 мая 1917 г. содержатся сведения об отправленных на сельскохозяйственные работы 12 военнопленных, из них у Любови Власовой на «огородных» работах трудились 3 человека, у Николая Подгорнова — 2, в других хозяйствах — по одному⁷⁴. Из документов Березниковского волпродкома от 14 и 17 июня 1917 г. можно узнать о работавших у крестьян д. Долгополово Екатерины Большаковой и Ивана Малова по 2 военнопленных⁷⁵. В списке от 15 июня 1917 г. по Сулостской вол. у 23 домохозяев трудились на полевых работах по 1 военнопленному, в т. ч. у Екатерины Мазаевой из с. Никольское-на-Перевозе, Марии Масловой из д. Новоселка, Матроны Зеленовой из д. Козлово, Анны Барановой из д. Нажеровка, Адександра Жильцова из с. Сулость, Андрея Никитина из д. Сверчково⁷⁶.

Таким образом, в основном главы крестьянских хозяйств обращались с заявкой на работы только по 1 военнопленному. По-видимому, это объяснялось и тем, что используемую рабочую силу нужно было содержать — оплачивать труд, кормить, а при необходимости и одевать, а денег на это не хватало.

Военнопленных старались подолгу не держать в одном месте. Собравшиеся 12 июня 1917 г. при Ростовской земской управе члены специальной комиссии решили пересмотреть распределение занятых на работах военнопленных. Из находившихся в ведении уездного самоуправления 456 человек предполагалось перераспределить 170, в т. ч. у Тютрюмова из 84 военнопленных 14 подлежали снятию с работ, у Вахромеева из 17 — 15, Селиванова из 5 — 2, а у Кострулина из 23 — 1 человека⁷⁷. Однако не всех работодателей это устраивало. 24 июня 1917 г. землевладелец из сц. Романцево Карашской вол. В. М. Князьков написал в отдел военнопленных при Ростовской земской управе заявление, в котором, ссылаясь на распоряжение Временного правительства об обработке и осеменении всех полей, а также на наличие у него 30 десятин земли, попросил пересмотреть решение и оставить ему на работы «хотя бы» 4 военнопленных, поскольку до 13 апреля 1917 г. у него было 7, а к 24 июня осталось 5 человек⁷⁸. Против решения в 10-дневный срок снять с работ 11 военнопленных высказались и члены правления Торгового Дома «И. А. Перушина С-вья» при имении Лучково Юрьевского у. Владимирской губ.⁷⁹ В написанном в Ярославскую

⁷³ РФ ГАЯО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 29. Л. 71, 90, 103, 104, 104 об., 107, 109, 109 об., 212, 212 об., 264, 271, 284, 290, 291, 301, 301 об., 303, 303 об., 330, 330 об., 373, 373 об., 415, 434–435.

⁷⁴ РФ ГАЯО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 34. Л. 19 об., 20.

⁷⁵ Там же. Л. 39, 40.

⁷⁶ Там же. Л. 34.

⁷⁷ Там же. Л. 95, 95 об.

⁷⁸ Там же. Л. 97, 97 об.

⁷⁹ Там же. Л. 95, 95 об., 241.

губернскую земскую управу заявлении также имелась ссылка на «призыв» Временного правительства о принятии необходимых мер к большему посеву (согласно окладному листу Ростовской земской управы, за Торговым домом числилось 143 десятин земли), а отзыв последних 11 военнопленных в самый горячий рабочий период ставил в безвыходное положение, т.е. лишал «возможности собрать урожай и заготовить сено»⁸⁰. Жалоба была также направлена и во Владимирскую губпродуправу. Ознакомившись с обстоятельствами дела, председатель упродкома 22 августа 1917 г. уведомил членов Владимирской губпродуправы о находившихся в Торговом доме 45 военнопленных, отпущенных Юрьевской управой, поэтому выделенных из Ростовского у. счел излишними⁸¹.

В конце лета в стране продолжали расти цены, наблюдался недостаток продуктов, и, как следствие, обесценивался рубль. Поэтому к 8 августа 1917 г. ежедневное продуктовое «обеспечение» (кроме хлеба) военнопленных в Ростовском у. обходилось в сумму 1 руб. на человека⁸². Снижение покупательской способности рубля сказывалось на увеличении денежных выплат за работу жителям России. Коснулось это и военнопленных, которые также имели право на денежное «вознаграждение». 9 августа 1917 г. Главное управление по делам милиции и по обеспечению личной и имущественной безопасности граждан довело до сведения и исполнения губернских, областных и городских комиссаров приказ военного министра Временного правительства, по которому ежедневная оплата труда военнопленных за все без исключения работы, «сообразно» местным ценам, составляла от 20 до 50 коп., оставшаяся часть зарплаты, за вычетом всех расходов, подлежала сдаче в Государственную казну⁸³. Чтобы не входить в большие «затруднения» с денежными расчетами за проделанную работу, члены губпродкома решили выплачивать военнопленным в Ярославской губ. «среднюю» сумму. 16 августа 1917 г. председатель губпродуправы уведомил членов упродуправы, что ежемесячная оплата за труд в Ростовском у. должна составлять не более 10 руб.⁸⁴

После окончания работ в одном хозяйстве, военнопленных отправляли в другое. В отношении председателя Ростовской земской управы от 16 сентября 1917 г. в упродуправу содержатся данные об отправке вернувшегося с полевых работ по истечении недельного срока у крестьянки Кочинной из д. Рышнево Нажеровской вол. пленного Григория Кудрика в с. Поречье к И. А. Клочковой⁸⁵. Из этого документа напрашивается вывод

---

⁸⁰ Там же. Л. 241, 243.

⁸¹ Там же. Л. 238.

⁸² Там же. Л. 198.

⁸³ РФ ГАЯО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 15. Л. 93, 94; Ф. 365. Оп. 1. Д. 34. Л. 410.

⁸⁴ РФ ГАЯО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 34. Л. 362, 362 об.

⁸⁵ Там же. Л. 409.

и о значительном спросе труда пленных среди жителей Ростовского у. — не успел поработать у одной крестьянки, как отправили к другой.

Труд военнопленных использовался и в помещичьих усадьбах. В Новоселко-Пеньковской вол. из 21 военнопленного 2 трудились в имении Острецовой, 5 — Усова и 14 — Богомолова, в усадьбе Губино в Березниковской вол. у владелицы Васильевой работали по 3 человека, а на мельнице и терочной Чалова возле с. Шулец в Шулецкой вол.⁸⁶ Дионисий Нирк нуждался в 3 человеках для «устройства» Техановской водяной мельницы, а у арендатора Внуковской мельницы Якова Нирка работали 5 военнопленных⁸⁷. Таким образом, крупные земледельческие хозяйства — имения не гнушались использованием труда военнопленных и привлекали больше бывших солдат противника, чем крестьяне.

Обесценивание рубля сказалось на увеличении выплат по содержанию военнопленных. На основании распоряжения Министерства продовольствия и Военного министерства Временного правительства председатель губпродуправы 30 сентября 1917 г. уведомил членов Ростовской городской управы о расходах на предстоящую зиму 1917—1918 гг. Для находящихся в пункте постоянного содержания в нерабочее время в помещении с отоплением и освещением затраты должны были составлять 10 коп. в день и 3 руб. в месяц на каждого военнопленного, их окарауливание — по 30 коп. и 9 руб. в месяц, врачебная помощь и др. — по 10 коп. и 3 руб. в месяц, оплата военнопленному за работу до 50 коп. в день и до 15 руб. в месяц, предоставление одежды (кроме зимней) — 1 руб. 50 коп. на день и 45 руб. в месяц на человека, зимняя одежда — из расчета по 80 коп. в день и 24 руб. в месяц, а также по 10 коп. на каждого пленного за доставку на работы и обратно⁸⁸.

Как отмечалось, пленных постоянно снимали с одних работ и переводили на другие, но они могли трудиться у одного наемщика и по нескольку лет. Так, содержатель городской «конки» и поставщик керосина не только для Ростова, но и за его пределы ростовский купец Н. Д. Кострулин ценил деловые качества бывших солдат противника. Он старался подбирать военнопленных по роду гражданской деятельности «знакомых» с горюче-смазочными материалами, организовывал помощь больным, содействовал, чтобы все были одеты, накормлены, что сказывалось на их работоспособности. Когда члены Ростовской уездной земской управы решили «поменять» трудившихся у него 24 военнопленных на других, Кострулин обратился за помощью в упродуправу. В письме от 21 октября 1917 г. на имя ее председателя он отметил: «...земская управа в настоящее время берет у меня военнопленных, которые у меня работали уже два года и хорошо привыкли к делу и знают своих давальцев и хорошо одеты и обуты. Нам же возвращают взамен

⁸⁶ Там же. Л. 22, 29, 40.

⁸⁷ Там же. Л. 32, 47, 72, 80, 186, 187.

⁸⁸ РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1211. Л. 300.

их людей не способных и не знакомых с нашим делом и очень плохо одетых»⁸⁹.

Использование труда военнопленных для личных услуг

Как реагировали на распоряжения «сверху» о запрещении использования труда военнопленных для личных нужд, можно узнать на следующих примерах в Ростовском у. В циркуляре Департамента полиции Министерства внутренних дел Российской империи от 14 июня 1915 г. содержались сведения об использовании военнопленных в «частных экономиях» и промышленных предприятиях на «привилегированных» должностях — кучер, садовник и т. д. Они проживали в «обывательских» семействах при уменьшенном полицейском надзоре, получали «обильную и разнообразную» пищу и, как следствие, начинали предъявлять работодателям «наглые требования» о дальнейших льготах⁹⁰. При таком содержании «распыление» военнопленных (нахождение в одном месте) доходило до 2–3 человек. Циркуляром еще не запрещалось использовать их труд для личных нужд, но наниматели обязывались строжайше наблюдать за военнопленными.

Впоследствии использование их на таких видах работ стало прекращаться. Это получило отражение и в телеграмме начальника штаба Московского военного округа от 13 ноября 1916 г. на имя заведующего военнопленными на пункте при ст. Семибратово капитана Никифорова⁹¹. Для исполнения поступивших распоряжений Никифоров 19 ноября указал членам Ростовской городской управы, чтобы отправляемые в казенные и городские общественные учреждения на «началах поденного труда» пленные не использовались для «личных целей»⁹².

Аналогичный запрет содержался и в телеграмме министра внутренних дел от 26 января 1917 г., отправленной на имя ярославского губернатора Н. Л. Оболенского. В тот же день Николай Леонидович запретил членам Ростовской земской управы использовать военнопленных для «личных услуг» в качестве домашней прислуги, приказчиков в торговых заведениях, бухгалтеров, конторщиков, дворников, шоферов, кучеров и т. п., а привлекать их на работы государственной важности, в т. ч. на «молотьбу» урожая, обслуживание мельниц и т. д.⁹³ Контроль за этим возлагался на уездного исправника. В ответ на его распоряжения в адрес исправника стали поступать рапорты от подчиненных. Из рапортов приставов 1–3 станов Ростовского у. Миловидова, Ратова и Богданова от 30 января и 3 февраля 1917 г. можно узнать, что такой «практики» в уезде не было, а вот в городе она имела место. Так, в рапорте исполняющего должность

⁸⁹ РФ ГАЯО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 34. Л. 454, 459, 459 об.

⁹⁰ РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1084. Л. 29.

⁹¹ Там же. Л. 70–71.

⁹² Там же.

⁹³ РФ ГАЯО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 553. Л. 19.

пристава г. Ростова Калиновского от 6 февраля 1917 г. содержатся сведения об использовании труда отпущенных на сельскохозяйственные работы военнопленных для «домашних услуг» Александром Андреевичем Титовым (Петр Бардко работал дворником), Елизаветой Ивановной Селивановой (Юзеф Бак – кучером), врачом Василием Ивановичем Ивановским (Павел Марек – кучером), взятые в Торговый дом «А. П. Селиванова С-вья» Франц Бакур, Януш Чулок и Януш Собо трудились, соответственно, в доме на ул. Успенской в качестве дворника, конюха и садовника, взятый купцом Александром Красновым для работы на дровяной склад Франц Когутрович (все военнопленные из Австро-венгерской армии) исполнял обязанности дворника при доме Краснова в Кремле города и возчика при «квасном заведении», отпущенный на работы в Торговый дом «Братья Стрижникова» военнопленный германской армии Август Черлипско трудился не рабочим на заводе, а «кучером при хозяине»⁹⁴.

Обращение с военнопленными поляками

Труд военнопленных использовался не только на полевых и дорожных работах, уборке городских улиц, на промышленных предприятиях В. М. Тютрюмова, Н. Д. Кострулина, Торгового дома «П. А. Селиванова С-вья», фабрики «Рольма», у частных городских «нанимателей», но и в небольшом учебном заведении – в мастерской «Демидовка», оборудованной на бывшей фабрике «Блесс» в Савинской вол. В письме «заведующего-инженера» учебными мастерскими в «Демидовке» Центрального обывательского комитета губерний Царства Польского К. А. Ловинского от 27 сентября 1917 г. в Ростовскую земскую управу содержатся прошение об отпуске туда на работы военнопленных австрийцев-поляков Франца Хабраш, Осипа Конопельского, Ивана Хечко, Михаила Рудзинского под приложенные при заявлении 80 руб. в качестве залога⁹⁵. Поскольку в колонии «Демидовка» проживали в основном поляки, то и в обращении об отправке туда людей только этой национальности нет ничего удивительного. Впоследствии К. А. Ловинский 4 октября 1917 г. вновь письменно обратился к председателю упродкома с просьбой «отпустить» в «Демидовку» 4 военнопленных из числа «поляков-католиков»⁹⁶ (ил. 3).

При обращении с польскими военнопленными тогда имелись существенные послабления, как по части личностных, так и материальных прав. Законом от 27 июня 1917 г. по отношению к военнопленным польской национальности были отменены все ограничения в личных и имущественных правах, установленные законом или последующими административно-нормативными документами в отношении подданных воюющих с Россией государств⁹⁷. При этом «обе стороны» руководство

⁹⁴ РФ ГАЯО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 481. Л. 51; Д. 553. Л. 23–24.

⁹⁵ РФ ГАЯО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 34. Л. 437.

⁹⁶ Там же. Л. 448.

⁹⁷ РФ ГАЯО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 15. Л. 109; Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 3. Л. 76.

вались п. 10 правил, утвержденных 30 июля 1917 г. военным министром Временного правительства, согласно которому командиры военных округов могли разрешать некоторым категориям военнопленных поляков переходить на жительство в частные квартиры⁹⁸. Это распространялось также и на военнопленных чехов, словаков и украинцев.

Побеги военнопленных

Где есть заключенный – там возможен и побег. Учитывая поступавшие распоряжения о предупреждении побегов военнопленных, председатель Ростовской земской управы уведомил членов волостных правлений, в т. ч. 27 июля 1916 г. и Угодичского волостного об обязательном размещении их «исключительно казарменным порядком» с установкой строжайшего надзора и не допущения проживания “по обывателям”⁹⁹.

Особое внимание уделялось окарауливанию военнопленных во время следования из лагеря до места работ. Порядок охраны и действия солдат караула нашли отражение в телеграмме ГУГШ от 13 апреля 1917 г. на имя председателя упродкома. Принимая во внимание замену старых правоохранительных органов (полиция) новыми (милиция), уведомление обо всех случаях побега во время конвоирования военнопленных, в связи с упразднением жандармских железнодорожных управлений, необходимо было делать только по телеграфу¹⁰⁰.

Поскольку побеги доставляли много хлопот, то для розыска беглецов даже использовались солдаты квартировавших в Ростовском у. запасных воинских частей. Так делалось согласно указаниям, содержащимся в телеграмме товарища министра внутренних дел Сергея Дмитриевича Урусова от 28 апреля 1917 г., отправленной на имя ярославского губернского комиссара о привлечении воинских частей для поимки беглых военнопленных и «определении» зачинщиков и подстрекателей в лагеря¹⁰¹. Для исполнения поступившего распоряжения губернский комиссар 4 мая и 27 июня 1917 г. ознакомил с содержанием телеграммы ростовского уездного комиссара.

В случае побега военнопленный исключался из списков на получение провиантского, приварочного и чайного довольствия по месту постоянного пребывания на пункте в д. Исады. В приказе по Управлению ростовского уездного воинского начальника от 1 мая 1917 г. за № 121 содержатся сведения об исключении из таких списков бежавших из лагеря санитар Ануфрия Луцишина (русин) и солдата Владислава Ольтьяна (румын)¹⁰². В письме председателя упродкома в Ростовскую земскую управу от 2 июня 1917 г. упоминалось об убежавшем в ночь на 27 мая 1917 г. «неизвестно куда»

---

⁹⁸ Там же. Л. 62.

⁹⁹ РФ ГАЯО. Ф. 114. Оп. 1. Д. 3. Л. 291.

¹⁰⁰ РФ ГАЯО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 34. Л. 65, 463.

¹⁰¹ РФ ГАЯО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 15. Л. 4, 4 об., 25, 35, 35 об.

¹⁰² РФ ГАЯО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1а. Л. 152.

с работ от крестьянки из д. Счастливка Нажеровской вол. А. В. Чистяковой военнопленном Семионе Галише¹⁰³.

Случалось, что ответственные за содержание военнопленных в Ростовском у. не реагировали должным образом на уведомление о побеге. Так, 2 августа 1917 г. в Приемковскую волпродуправу с письменным заявлением обратился крестьянин из д. Праслово Герасим Плескунов о самовольно отлучившемся 1 августа 1917 г. работавшим у него в хозяйстве военнопленном Андрее Косаке¹⁰⁴. Не дождавшись от членов волпродуправы ответа, он 6 августа вновь обратился по этому вопросу. Таким образом, с момента первого обращения прошло 4 дня, а беглеца никто не искал. 10 августа 1917 г. Косак сам явился в уездную земскую управу, а затем отбывал наказание при местном военном комиссариате¹⁰⁵.

В документах Управления ростовского уездного воинского начальника имеются данные, что с начала года и до середины сентября 1917 г. побегии в Ростовском у. имели место, но не были многочисленными. Так, в ответ на запрос уездного комиссара относительно побегов военнопленных, уездный воинский начальник полковник фон Кох 13 сентября 1917 г. сообщил, что единичные побегии имели место во время Февральской революции, но в «настоящее время» для их предотвращения приняты «соответствующие меры»¹⁰⁶. Насколько можно доверять этому документу? В приведенном выше приказе фон Коха от 1 мая 1917 г. содержатся сведения о побеге из лагеря 2 военнопленных, в письме председателя упродкома от 2 июня 1917 г. — об убежавшем с работ военнопленном Семионе Галише (см. выше). Таким образом, в мае и в июне 1917 г. из лагеря и с работ скрылись в неизвестном направлении 3 военнопленных.

Наказание военнопленных

С целью урегулирования отношений между военнопленными, охранной, нанимателями и мирным населением, к солдатам из армий противника могли применяться и меры «воздействия». Под этим подразумевался комплекс различных ограничений, включающих не только ограничение свободного от работ времени, дополнительный труд, но и заключение под арест. Циркуляром Министерства внутренних дел от 6 апреля 1916 г. предусматривалось, что в случаях нерадивости, непослушания, грубости, отказа от работ, военнопленных можно было по постановлению полиции подвергать аресту до 7 суток в волостном правлении или «становой» квартире «на хлеб и воду» и привлекать к принудительным сверхурочным работам в праздничные дни¹⁰⁷.

¹⁰³ РФ ГАЯО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 34. Л. 158.

¹⁰⁴ Там же. Л. 216.

¹⁰⁵ Там же. Л. 217.

¹⁰⁶ РФ ГАЯО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 15. Л. 91; Ф. 240. Оп. 1. Д. 1а. Л. 379, 379 об.

¹⁰⁷ РФ ГАЯО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 15. Л. 4.

Строгий арест военнопленные отбывали в Ростовской тюрьме. Например, в ответ на письменное заявление от 28 марта 1917 г. купца Н.Д. Кострулина на имя начальника тюрьмы в нее отправили за отказ от работ под «строгий» арест «на хлеб» до 1 фунта в день 21 военнопленного из австрийцев-мадьяр¹⁰⁸. В письме высказывалось пожелание о ежедневном привлечении их к работам. Мера наказания оказала воздействие на военнопленных, они сами изъявили желание трудиться у этого купца. Подвергнувшиеся аресту даже согласились трудиться и в «свои» праздники с 6 часов утра, а заканчивать работы «одновременно с русскими», получать «только $\frac{2}{3}$, т.е. 10 руб. в месяц, а остальную $\frac{1}{3}$ часть, т.е. 5 руб. оставлять за конторой»¹⁰⁹.

Ранее отмечалось, что военнопленные у купца Н.Д. Кострулина работали 2 года, и он был против замены другими, т.к. ценил их деловые качества. Тогда как понимать случившееся? Можно предположить, выбранная мера воздействия на военнопленных солдат предпринималась с целью подавления и ломки их моральной стойкости. Арест помогал сделать из них достаточно послушных, подневольных людей, согласных работать на условиях, выгодных нанимателю. Впрочем, неповиновения среди работавших у купца военнопленных могли быть вызваны произошедшей в России Февральской революцией.

Перед отправкой под арест военнопленные сдавали имевшиеся на руках деньги, но при освобождении их возвращали. Полученные от 21 солдата при аресте 732 руб. подлежали передаче в качестве залога в уездный комиссариат¹¹⁰. При выпуске из-под стражи деньги, но уже в сумме 734 руб. 94 коп. возвратили владельцам. Эта сумма записана в удостоверении, выданном Ростовской земской управой делопроизводителю отдела о военнопленных И.Н. Агапитову на получение денег у уездного военного комиссара¹¹¹. Разница в сданных и полученных деньгах получилась, возможно, из-за неправильной записи при аресте. Впрочем, 2 руб. 94 коп. могли выплатить за работы, которые военнопленные выполняли во время ареста в Ростовской тюрьме.

Пришедшее после Февральской революции 1917 г. к власти Временное правительство оставило в силе имевшиеся распоряжения и указания о содержании военнопленных, окарауливании и использовании на работах. Так, 7 апреля 1917 г. губернский комиссар был извещен о соблюдении «прежних» распоряжений о наблюдении за военнопленными австро-венгерской и германской армий¹¹².

Новые власти также стремились принимать меры для поддержания порядка по содержанию военнопленных и использованию их труда.

---

¹⁰⁸ Там же. Л. 6, 6 об.

¹⁰⁹ Там же. Л. 8 об.

¹¹⁰ Там же. Л. 49.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же. Л. 14, 14 об.

19 апреля 1917 г. Военное министерство уведомило воинское начальство Московского военного округа, а оно — губпродком: «В виду непрерывно поступающих жалоб на недопустимое своеволие и даже отказ от работы со стороны военнопленных, предлагаю всех бунтующих, непокорных пленных немедленно направить в ближайшие лагеря, где применять к ним самый суровый режим и строгия наказания»¹¹³. Содержание телеграммы недвусмысленно давало понять, что принимаемые меры ни в коем случае не должны останавливать хода работ, а потому касались только зачинщиков и главных виновников.

При поимке беглецы не всегда «определялись» в тюрьму, а могли помещаться в лагерь на бывшей Исадской мукомольной мельнице. Возможно, так проявлялось смягченное отношение к военнопленным славянской национальности после Февральской революции. Смягчающие действия применялись и к военнопленным, задержанным в уезде при отправке на работу без конвоя. Так, 22 октября 1917 г. милиционеры задержали в Ростове не имеющих документов военнопленных солдат австро-венгерской армии чеха Петра Кочека, серба Машечь Тоша, немца Алпета Према и германской армии — немца Франца Шумахера, которых по распоряжению ростовского уездного воинского начальника полковника фон Коха от 23 октября 1917 г. не посадили в тюрьму, а «прикомандировали» к лагерю при стп. Семибратово, зачислив на провиантское, приварочное и чайное довольствие¹¹⁴. Затем, после разбирательств дела по приказу фон Коха от 24 октября 1917 г. их отправили на пункт «постоянного сосредоточения» при ст. Кожухово Московской окружной железной дороги¹¹⁵.

Освобождение военнопленных

Еще в начале Первой мировой войны к военнопленным славянам — чехам, словакам, полякам, сербам, украинцам, словенцам, русинам и др. проявлялось дружеское отношение. На этом сказывалось и то обстоятельство, что они, в отличие от немцев, австрийцев, венгров чаще добровольно сдавались в плен. Так, например, во время проведения весной 1915 г. Карпатской операции 28 Пражский полк добровольно перешел на сторону Русской армии¹¹⁶.

Согласно положению о военнопленных от 7 октября 1914 г. их могли освобождать под честное слово не брать в руки оружие и не сражаться с частями Русской императорской армии. В годы войны освобождение происходило и после достигнутых соглашений в результате переговоров на межгосударственном уровне. Так, например, 9 июня 1915 г. губернатор Д. Н. Татищев циркуляром довел до сведения земской и городской управ,

¹¹³ РФ ГАЯО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 34. Л. 188–189 об., 196.

¹¹⁴ РФ ГАЯО. Ф. 240. Оп. 1. Д. 1а. Л. 438, 439.

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Петров А. А. Становление чешско-словацких частей в составе Российской армии в 1914–1917 гг. // Забытая война и преданные герои. М., 2011. С. 238.

что с высочайшего соизволения пленные итальянцы австро-венгерской армии, желающие уехать в Италию, в ближайшее время подлежали освобождению из плена¹¹⁷. 21 сентября 1915 г. Татищев уведомил земское и городское самоуправления об обращении представителей сербского правительства освободить пленных сербов, хорватов, словенцев с работ и отправить их в Сербию. Он предложил провести опрос находившихся на мелких работах «второстепенного значения» лиц этих национальностей и передачу их уездному воинскому начальнику с целью последующей отправки в г. Елец для получения разрешения вернуться домой¹¹⁸.

Вопросы о возвращении военнопленных этих национальностей на родину решались и в 1916 г. Так, 27 января 1916 г. губернатор уведомил членов городских и земских управ об отправке таких военнопленных в г. Борисоглебск Тамбовской губ. для последующей перевозки их в г. Одессу¹¹⁹.

Во время нахождения в плену лицам славянской национальности предоставлялись послабления. Например, в ответ на ходатайство правительства Союза чехословацких обществ, 23 октября 1916 г. из Министерства внутренних дел на имя ярославского губернатора было отправлено уведомление о разрешении таким пленным иметь некоторые льготы по сравнению с военнопленными австрийцами, венграми и немцами: прогуливаться по воскресным дням, читать, петь, иметь возможность встречаться с соотечественниками для «кратковременных» бесед и другие «льготы», сообразно с местными условиями¹²⁰.

Договоренности об освобождении военнопленных у Временного правительства России имелись и с правительством Румынии. В ответ на ноту румынского правительства от 3 мая 1917 г. и для исполнения указаний военного и временного морского министра А. И. Гучкова, командир штаба Московского военного округа генерал-майор Борис Владимирович Окуньков уведомил ярославского губернского комиссара об освобождении румын, а тот довел поступившие распоряжения до ростовского уездного комиссара¹²¹. Ими предписывалось проведение бесед с румынами о поступлении и в «добровольческие» ряды румынской армии, в которую предполагалось собрать 30 тыс. военнопленных¹²². Аналогичная работа проводилась и среди итальянских военнопленных. Так, 1 июля 1917 г. губернский комиссар уведомил ростовского, что по поручению итальянской военной миссии в Ярославскую губ. «командировался» майор итальянской службы Козьма Манер для организации на «пунктах водворения» и в местах работ опроса и вербовки военнопленных итальянской

---

¹¹⁷ РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1095. Л. 71; Ф. 5. Оп. 1. Д. 1009. Л. 59.

¹¹⁸ РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1084. Л. 33.

¹¹⁹ Там же. Л. 39.

¹²⁰ Там же. Л. 38.

¹²¹ РФ ГАЯО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 15. Л. 43, 102, 102 об.

¹²² Там же.

национальности в итальянскую армию¹²³. Однако командировка у майора Манера была отменена. По поручению итальянской миссии в губернию направлялся поручик Баччич, о чем 12 августа 1917 г. командир штаба Московского военного округа полковник Константин Иванович Рябцев уведомил ярославского губернского комиссара¹²⁴.

Все изъявившие согласие поступить в военные добровольческие формирования должны были немедленно сняты с работ и отправлены на пункт постоянного содержания при ст. Семибратово. В помощь членам указанной комиссии агитацию в уезде среди военнопленных проводили и представители командования добровольческих формирований. Так, командование штаба Московского военного округа 17 и 25 августа 1917 г. уведомило губернского комиссара о направлении в Ярославскую губ. для вербовки военнопленных в румынскую армию штабс-капитана Ромулса Бока, Валера Молована и поручика Михаила Гуи, а в чехословацкую армию — подпоручика Алексея Хруста¹²⁵.

Военнопленным предоставлялось право на получение российского гражданства, но только после получения необходимых документов и их проверки. Впрочем, на практике получалось, что новые власти на «местах» не всегда знали порядок оформления необходимой документации. Например, австрийский подданный из солдат австро-венгерской армии Людвиг Блондинский пожелал получить российское гражданство, но комиссар по иностранным делам 23 февраля 1918 г. отклонил предложение Ростовского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, т. к. его председатель в отправленном 9 января 1918 г. письме не возбудил в отношении Л. Блондинского надлежащего ходатайства и не приложил документы, удостоверяющие личность просителя¹²⁶.

Несмотря на подписание 3 марта 1918 г. представителями Советской России и Центральных держав Брестского мира и выход России из войны, военнопленные еще некоторое время продолжали находиться в Ростовском у. Так, на 31 марта 1918 г. в личных хозяйствах у крестьян с. Макарово Приимковской вол. С. И. Балдина работал Михаил Михайлович Тербан, у М. А. Егоровой — Лука Петрович Якуб, у П. Е. Егорычева — Федор Иванович Носа, у крестьян д. Стрелы А. А. Лапшина — Гаврило Николаевич Мыло-Бела, у В. Ф. Горюновой — Ян Лучесович Лучек, у крестьянина д. Семеновское Д. С. Максимова — Василий Павлович Изшелак, у крестьянина д. Кладовицы Н. И. Осорина — Вацлав Шнейдер¹²⁷.

18 апреля 1918 г. 11 военнопленных обратились в Ростовскую городскую хозяйственную комиссию с просьбой о выдаче «удостоверения» для

¹²³ РФ ГАЯО. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 3. Л. 29.

¹²⁴ Там же. Л. 51.

¹²⁵ РФ ГАЯО. Ф. 211. Оп. 1. Д. 15. Л. 67; Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 3. Л. 54, 55.

¹²⁶ РФ ГАЯО. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 14. Л. 91, 91 об.

¹²⁷ РФ ГАЯО. Ф. Р-182. Оп. 1. Д. 1. Л. 28, 29, 30, 31, 31 об.

пользования баней, т. к. денег для ее посещения у них не имелось¹²⁸. Таким образом, на 18 апреля военнопленные все еще были заняты на работах в Ростове. В документах Ростовского уездного комитета помощи пленным и беженцам содержатся сведения о нахождении в это время военнопленных и в уезде. Например, 18 апреля 1918 г. там умер рядовой 6 уланского полка Израэль Тайхр¹²⁹. Места погребения его в документе обнаружить не удалось. Можно предположить, что И. Тайхр был погребен у приходского погоста в с. Гвоздево Приимковской вол., на кладбище для иностранцев в Варницкой слободе, что под г. Ростовом, а также и в другом месте. Летом 1918 г. военнопленные трудились и по благоустройству дорог. Так, военнопленный Антон Канн (австрийский подданный) работал тогда в 8-м дорожном отряде, прикрепленном к заштатному г. Петровску¹³⁰.

Из письма заместителя председателя Приимковского волостного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в Ростовский уездный совдеп от 23 июля 1918 г. можно узнать, что «военнопленному врачу пункта военнопленных, находящегося при дер. Исадах... Бруно Пиотровскому, разрешено общим собранием членов совета временно проживать в пределах Приимковской вол. и оказывать врачебную помощь нуждающимся в этом гражданам волости»¹³¹. Таким образом, члены Приимковского волостного совета разрешили врачу Пиотровскому проживать вне лагеря для военнопленных и оказывать жителям близлежащих селений медицинскую помощь.

18 сентября 1918 г. членами Ростовской уездной коллегией по обмену военнопленными и беженцами был принят приказ за № 110, по которому проживавшие в Ростовском у. военнопленные обязывались с 19 по 25 сентября явиться в ее канцелярию (Ростов, ул. Окружная, 89) для предстоящей «отправки на родину»¹³². При неявке в указанный срок, «чины милиции» были обязаны задерживать нарушивших приказ. Задерживавшие военнопленных на работах подлежали преследованию по закону как «укрыватели».

Некоторые из находившихся в лагере принимали российское гражданство. Сведения об этом содержатся в переписке между комиссаром и Ростовским уездным исполнительным комитетом. Комиссар Вологодского отдела Совета австро-венгерских рабочих и солдатских депутатов в России (Краснофлотская наб., 4) 15 января 1919 г. обратился в Ростовский уездный исполнительный комитет с просьбой предоставить «подробный список» принявших русское гражданство бывших «военно- и гражданских пленнх», а также умерших в лагере. 18 января 1919 г. список, включающий 38 лиц принявших гражданство Российской Федерации

---

¹²⁸ РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1516. Л. 91.

¹²⁹ РФ ГАЯО. Ф. 65. Оп. 1. Д. 39. Л. 242 об., 243.

¹³⁰ РФ ГАЯО. Ф. Р-141. Оп. 2. Д. 422. Л. 46.

¹³¹ РФ ГАЯО. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 44. Л. 68.

¹³² РФ ГАЯО. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 29. Л. 53.

с 4 июня по 28 сентября 1918 г., и 1 человеке – в 1919 г., на основании декрета ВЦИК от 1 апреля 1918 г. был отправлен на его имя¹³³. 26 января 1919 г. председатель Ростовской уездной коллегии о пленных и беженцах П. Самбуров подготовил в отдел управления Ростовского уездного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов список и умерших¹³⁴.

Несмотря на принятие членами Ростовской уездной коллегией по обмену военнопленными и беженцами приказа за № 110, не все из находившихся в уезде военнопленных уехали на родину. Например, военнопленный австриец Василий Алексеевич Андриаш в 1920 г. все еще продолжал проживать в д. Воробылово Угодичской вол.¹³⁵ Таким образом, отъезд военнопленных в родные края затянулся на несколько лет, кто-то ассимилировался и остался в Ростовском у. навсегда.

Можно констатировать, что в годы Первой мировой войны в Ростовском у. находились военнопленные из австро-венгерской и германской армий, которые в организованном порядке стали прибывать в уезд в начале 1916 г. Их поместили в помещениях бывшей мукомольной мельницы купцов Вахромеевых в д. Исады. Поскольку многие из приехавших были больными, то местные власти при содействии членов уездной продовольственной управы проделали большую работу по размещению прибывших и оказанию помощи больным, открыв в лагере и лазарет.

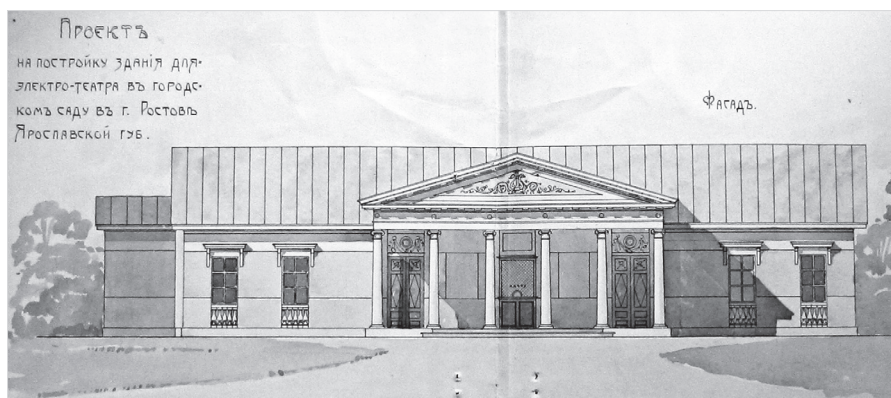
Несмотря на то, что содержание, окарауливание, поимка беглецов доставляли немало хлопот, использование труда военнопленных приносило крестьянским хозяйствам, усадьбам облегчение на сельскохозяйственных работах. Пленные трудились и в мастерских, промышленных заведениях, поддерживали чистоту в городе.

¹³³ РФ ГАЯО. Ф. Р-143. Оп. 1. Д. 43. Л. 46, 48–49 об.

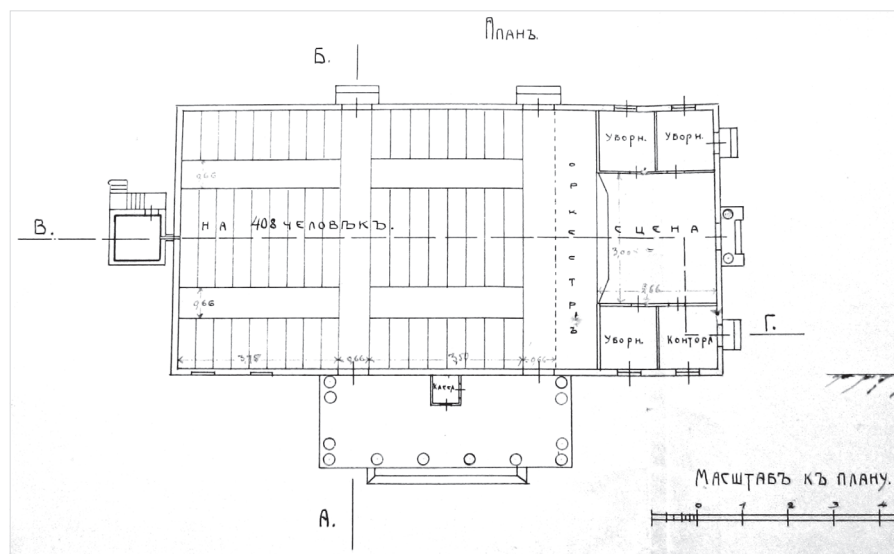
¹³⁴ Там же. Л. 46, 47.

¹³⁵ РФ ГАЯО. Ф. Р-141. Оп. 2. Д. 532. Л. 9 об.

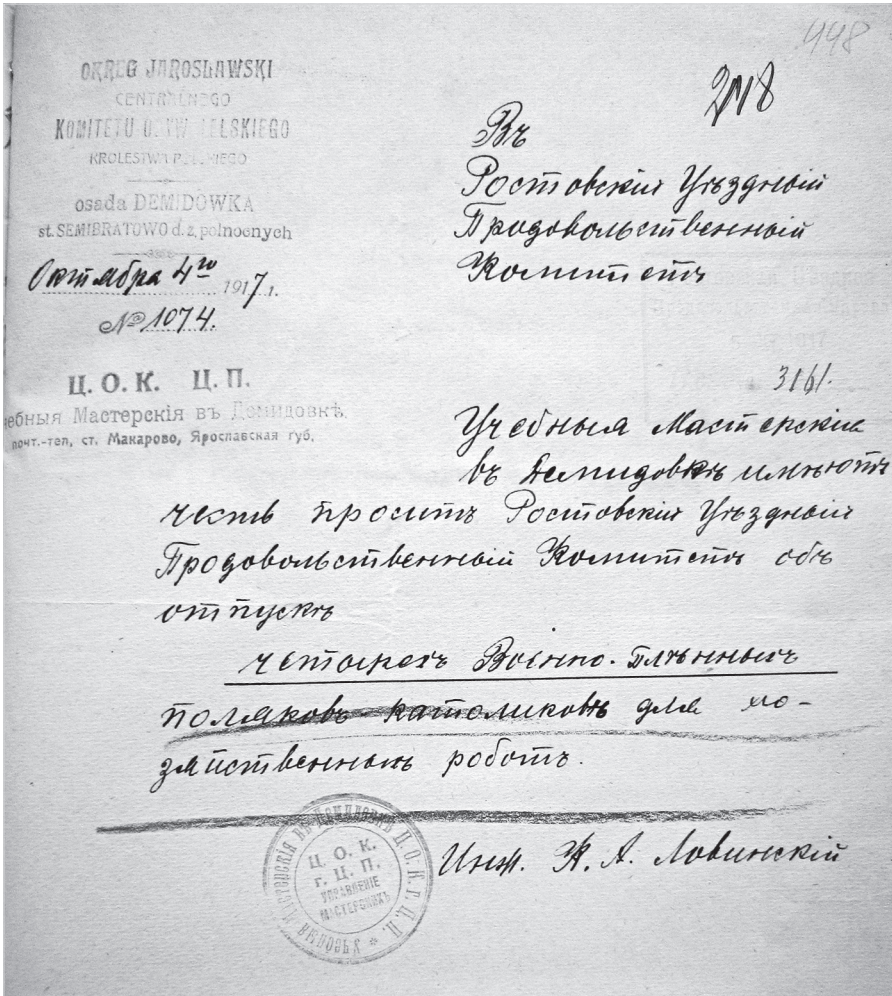

Ил. 1. Проект фасада здания электротeatра в Городском саду, выполнен 24 марта 1914 г. гражданским архитектором Н. Ю. Лермонтовым (РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1101. Л. 18а)

Ил. 2. Внутренняя планировка здания электротeatра в Городском саду, выполнена 24 марта 1914 г. гражданским архитектором Н. Ю. Лермонтовым (РФ ГАЯО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 1101. Л. 18а)

Ил. 3. Письмо заведующего учебной мастерской «Демидовка» инженера К. А. Ловинского в Ростовский упродком от 4 октября 1917 г. об отпуске на работы пленных поляков (РФ ГАЯО. Ф. 365. Оп. 1. Д. 34. Л. 448)